

Итан решил помочь начальнику стражи, с одной стороны, чтобы поддержать Сэмюэля, а с другой — из собственных интересов. Прежде всего он ни в коем случае не хотел, чтобы Запретный город оказался в руках Седоя. Кроме того, у него теперь была компрометирующая информация о самом влиятельном человеке в городе, что, казалось бы, играло ему на руку, но если начальник стражи заподозрит неладное и решит избавиться от него, это тоже не исключено.

— Я думаю, Итан прав. Что мы скажем, если Седой начнет задавать вопросы? — спросил Сэмюэль.

Итан временно отложил свои подозрения в отношении начальника стражи и продолжил:

— Поэтому лучше придумать что-то убедительное. Ранее Цзя Вэнь говорил мне, что ты, Сэмюэль, нашел себе нового любовника, и, возможно, запах начальника стражи на тебе приняли за запах другого омеги. Мы могли бы найти доверенного омегу, чтобы помочь нам с этой ложью.

— Судя по твоему виду, ты уже нашел подходящего кандидата? — поинтересовался Сэмюэль.

Итан кивнул, поправив очки:

— Есть один. Тай Фэн с Западного района раньше был моим коллегой, и у него есть конфликт с Седым. Сейчас он находится рядом с человеком по имени Тито, но, судя по тому, что я о нем знаю, он вряд ли будет симпатизировать такому типу, как Тито. Тем более я слышал, что у того есть склонность к насилию. По сравнению с ним ты, Сэмюэль, — куда более выгодный выбор. Но есть две проблемы. Во-первых, я не знаю, был ли Тай Фэн все это время рядом с Тито. Если да, то он не сможет помочь нам с обманом. Во-вторых, я не уверен, осмелится ли он окончательно порвать с Тито, даже если поймет, что, присоединившись к твоей группе, получит защиту, а барьер между Восточным и Западным районами предотвратит месть Тито. Но, поскольку нам придется раскрыть ему правду, я не знаю, сможет ли он доверять твоим способностям.

Да уж... Согласно традиционным человеческим представлениям, как омега может противостоять альфе?

— Тито на прошлой неделе отправили искупать грехи, и он еще не вернулся, — вдруг заявил начальник стражи. — Но можно ли ему доверять? Я считаю, чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

Итан тоже не мог ручаться и, немного помедлив, сказал:

— Помню, мой отец говорил, что, предложив достаточно выгод, можно сделать другом любого. Думаю, если дело дойдет до крайности, вам, начальник стражи, стоит это учесть.

Шнайдер ничего не сказал, лишь повернулся к Сэмюэлю:

— Есть вода? Мне нужно привести себя в порядок.

Его течка еще не полностью закончилась, но, чтобы избежать лишних проблем, он решил немного отдохнуть, смыть с себя запахи и покинуть Запретный город до рассвета, чтобы дожждаться, пока они исчезнут дома. После того как начальник стражи ушел, Итан и Сэмюэль тщательно убрали комнату, убедившись, что не осталось никаких следов его присутствия, и только затем покинули помещение.

Следующие несколько дней Итан и Сэмюэль провели в тревоге. После обсуждения они пришли к выводу, что лучшим вариантом будет дать другим нелюдям понять, что «Итан впал в немилость», иначе невозможно объяснить запах омеги, который был на Сэмюэле пару дней назад. Они перестали вместе обедать, точнее, Сэмюэль остался на своем прежнем месте, а Итан жалко пересел в дальний угол.

Итан полагал, что жизнь вряд ли сильно изменится, но после «немилости» все стало иначе. Когда он с завтраком в руках пытался найти место за столиками, его три или четыре раза встречали злобные взгляды, утверждая, что места заняты, хотя в итоге он обнаружил, что они были пусты. Зубная паста почти закончилась, и, когда он отправился в центр закупок за новой, ответственный за раздачу нелюдей потребовал доказательства, что паста действительно закончилась, вынудив его в спешке вернуться в квартиру, вырыть из мусорного ведра пустую трубу и снова побежать обратно. На работе некоторые коллеги тоже игнорировали его: когда его мотыга сломалась, он взял соседнюю, которой никто не пользовался, но чуть не получил за это взбучку.

Еще больше раздражали собрания Общества Благодетеля, которые проводились раз в неделю в канализации. Если он искал предлог, чтобы не участвовать, другие нелюди начинали его избегать. Способов изоляции было много, и внешне это могло быть незаметно — они даже могли поздороваться, но становилось практически невозможно влиться в их разговоры. Кроме того, применялись и пассивные наказания, например, выделяли самый грязный участок, полный экскрементов, или изолировали, отправляя работать в самые отдаленные трубы без других коллег.

Именно поэтому Итан вынужден был пробираться в темноте через запутанные лабиринты. Запретный город до своего превращения в него был частью древнего города на Земле, и его сложная система канализации сохранилась с тех времен. Даже проработав здесь почти год, Итан все еще перемещался лишь в центральной части системы, и около восьмидесяти процентов территории оставались для него неизведанными.

Неудивительно, что он заблудился.

Итан тяжело вздохнул, поставил лопату и ведро с растворителем на землю и, не обращая внимания на лужи и мусор, присел у грязной стены. Он уже более часа блуждал по этим, казалось бы, одинаковым трубам, но так и не нашел выхода. Он даже не мог понять, где свернул не туда. Темнота, окружавшая его, едва отступала перед слабым светом фонаря на его шлеме, словно хищный зверь, готовый наброситься, как только свет погаснет.

Итан вспомнил, как Ким Джун-ги говорил, что действительно были нелюди, которые терялись в этих трубах и больше их никто не видел, просто исчезая без следа.

Острые углы страха уже начали проникать в его уставшее сознание. Он ругал себя за то, что не пошел на те три собрания. Он должен был понять, что история Земли неоднократно показывала: религия, даже если начинается с лицемерного милосердия и любви, в конечном итоге всегда становится принудительной и исключительной. «С нами или против нас» — он, отказываясь, фактически объявил себя их врагом.

Он назвал себя дураком, но сейчас главной задачей было найти правильный путь.

Он обыскал свой пояс с инструментами, но не нашел ничего, что могло бы помочь с навигацией, даже элементарной рации. Очевидно, стражи не собирались спасать заблудившихся нелюдей, возможно, они рассчитывали таким образом сократить перенаселение Запретного города.

Он снова крикнул, но, как и раньше, никто не ответил. В тишине темного пространства слышались лишь редкие пiski мышей, кваканье лягушек и странные звуки насекомых. Итан никогда не слышал таких звуков — они были слишком сухими и резкими, почти как шум радиосигнала.

Чем дольше он слушал, тем больше они напоминали ритмичный радиосигнал. Может быть, это действительно не насекомые, а какой-то древний радиоприемник, тихо передающий сигнал в темноте и безлюдии этой канализации, год за годом, век за веком?

Итан вздрогнул, дрожь пробежала по спине и шее, а под кожей начала проявляться знакомая зудящая боль. Он вспомнил, как Танисер говорил, что его мутация может обостриться под воздействием страха, но чем больше он старался не бояться, тем сильнее становился страх. Это был не только инстинктивный страх перед неизвестной тьмой и замкнутым пространством, но и боязнь того, что его мутация ускорится.

Он бросил инструменты и продолжил двигаться в темноте, спотыкаясь на каждом шагу. Грязный воздух затруднял дыхание, а сильная усталость вызывала ощущение удушья.

<http://bllate.org/book/15260/1346397>